

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

УДК 94(438)

ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ПОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
bulachtin@yandex.ru

Раскрываются взгляды представителей польской политической элиты на будущее литовско-белорусских земель, входивших в состав Российской империи и оккупированных Германией во время Первой мировой войны. Подробно анализируются доводы польских политиков в пользу включения этих территорий в состав возрожденной Польши.

Ключевые слова: Литва, Белоруссия, польская политическая элита, восточные границы Польши.

Размышляя о переломных моментах в судьбе польского народа, известный историк Януш Паевский отмечал, что 1914 год принес полякам начало войны, о которой они мечтали уже сто лет [Pajewski, 1995, s. 33]. Столкновение стран, разделивших Речь Посполитую в XVIII в., давало надежду возродить хотя бы в какой-то форме польскую государственность. В польских политических кругах стали активно обсуждать вопросы, касавшиеся территориальной конфигурации будущего государства. Большое внимание в этой связи уделялось литовско-белорусским землям бывшей Речи Посполитой. Многие польские политики выражали заинтересованность в присоединении этих территорий к возрожденной Польше или, как минимум, в создании таких условий, которые бы обеспечили ей существенное политическое влияние в этом регионе.

Будущий глава польского государства, Ю. Пилсудский, сам выходец из Литвы, рассматривал проблему восточных границ Польши с точки зрения широкой стратегической перспективы. Еще до начала войны целью своей политической деятельности он называл «развал российского государства на главные составные части и приобретение самостоятельности краев, насильственно включенных в состав империи» [Garlicki, 1989, s. 213]. «Мы считаем это не только исполнением культурных устремлений нашей родины к самостоятельному существованию, но и в качестве гарантии этого существования, поскольку Россия, лишенная своих завоеваний, будет настолько ослаблена, что перестанет быть грозным и опасным соседом», – отмечал Пилсудский [Garlicki, 1989, s. 213]. Поэтому главной задачей польской политики должно стать стремление к «рассечению России по национальным швам» [Garlicki, 1989, s. 214].

В период войны немало польских политиков проявили готовность сотрудничать с центральными державами ради восстановления польского государства. Захват немецкими войсками в 1915 г. литовских и части белорусских территорий подталкивал польскую элиту к подготовке идеологических и политических условий для объединения этих земель с возрожденной Польшей. В Главном национальном комитете, координировавшем работу по обеспечению деятельности польских легионов в составе австрийской армии, собирались информационные и аналитические материалы для обоснования права поляков на литовско-белорусские территории. Среди них особый интерес представляет работа неподписавшегося польского автора под заголовком «Национальный вопрос в Литве». Документ был датирован 25 апреля 1916 г. и предназначался, по-видимому, для представителей центральных держав. В нем описывались основные вехи польского влияния в регионе и раскрывалась этнокультурная ситуация на землях так называемой исторической Литвы.

Обращаясь к истокам литовской государственности, автор отмечал, что по мере расширения территории Литвы в XIII–XIV вв. шел процесс ее «белорусизации». Литовский язык не только не смог проникнуть в новые земли, но и был оттеснен белорусским языком. Со временем он стал официальным языком в государстве. Правда, по словам автора, это был скорее русский, искусственно

созданный, «канцелярский» язык, который постепенно настолько стал похож на польский, что был понятен любому поляку и непонятен русским. В конце XVIII в. он был заменен на польский язык, а вот литовский так и не став государственным, сохранялся лишь в этнической Литве (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 323).

Автор подчеркивал, что большое значение для региона имело призвание на польский трон литовского князя Ягайло. С тех пор Литва получила новое направление для своего развития – «она стала ближе к Западу и благодаря объединению с Польшей оказалась доступна для влияния западноевропейской культуры» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 323). Все внутреннее устройство Польши нашло в Литве точное воспроизведение, связи между странами становились прочнее, польская культура находила здесь все более широкое распространение. «И это был естественный путь развития, – замечает автор. – Ведь Литва получила из Польши свои высшие духовные ценности, христианство установилось там благодаря Польше и было принесено в форме польского католицизма...» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 325).

Однако с тех пор Литва превратилась в «поле битвы» двух совершенно разных культур (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 327, 329). С одной стороны, это была западноевропейская культура в лице Польши, а с другой – восточноевропейская в лице Московского государства. Любое сдерживание и подавление польской культуры и ее влияния в Литве оборачивалось укреплением русского «православного государственного пространства». Москва издавна рассматривала Литву в качестве форпоста для своей экспансии на Запад.

Таким образом, упрочение союза с Польшей стало для Литвы вопросом выживания перед лицом угрозы с востока. Однако это объединение обещало и небывалый экономический подъем. Широкий поток польских колонистов хлынул в страну. Поляки поступали на службу литовских князей и крупных землевладельцев. Польские дворяне закреплялись в Литве также благодаря установлению семейных связей с представителями местной элиты (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 329).

Автор отмечал, что после заключения Люблинской унии в 1569 г. польская культура получила «гигантскую область для своего распространения и оттеснения сил, господствовавших до сих пор в Литве» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 331). Полонизация страны шла без принуждения, добровольно и естественным образом. Это был стихийный процесс, охвативший дворянство, горожан и крестьянство Литвы. Более того, имелось множество примеров, когда польские церковные учреждения содействовали развитию литовской церковной литературы и проявляли заботу о том, чтобы в литовских церквях священники хорошо знали литовский язык. В конечном счете польско-литовское государство стало восточным форпостом Европы на границе с азиатским Востоком, выполняя свою миссию «блестяще, даже самоотверженно» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 333). И если в Литве еще сохранялись остатки западноевропейской культуры, то это заслуга польской культуры, религии и польского государства.

Большое внимание в документе уделялось характеристике расселения отдельных этносов в регионе. В частности, отмечалось, что литовцы занимают главным образом территорию Ковенской губернии, самые северные и самые западные районы Виленской губернии, некоторые села самой северной части Гродненской губернии и некоторые районы Сувалкской губернии. Таким образом, делал вывод автор, этническая Литва в историческом плане все больше отступала на север и запад, а «вытесняющим» фактором являлся «белорусский элемент» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 337). Этот процесс развивался стихийно и начался еще в период ранней истории Литвы. Поскольку белорусы и поляки были раньше литовцев христианизированы, они представляли собой более «жизнестойкую цивилизацию». В результате почти вся Гродненская губерния, многие районы Виленской и Минской губерний утратили свой литовский характер, став белорусскими или польскими.

Между тем автор констатировал, что на рубеже XIX и XX вв. этому процессу стало противостоять молодое литовское национальное движение (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 337). Хотя, как он полагал, значительная часть литовского народа пока не проявляла особого интереса к национальной идее и принадлежность к католицизму представлялась широкому кругу литовцев более значимым фактором, тем не менее национальное движение все более увлекало литовскую интеллигенцию и духовенство.

Автор отмечал, что данное движение вступало в «столкновения и трения» с польским народом, сыгравшим полезную роль в Литве. Однако он выражал надежду на то, что это движение со

временем достигнет необходимой объективности и зрелости, что сделает возможным мирное существование литовцев с другими культурными народами (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 339).

Как уже отмечалось, большое внимание в работе уделялось белорусам. Указывалось, в частности, что в Виленской губернии они составляли 41,07%, Ковенской – 2,56, Гродненской – 43,9, Минской – 76, Витебской – 52,9, Могилевской – 82,6. По оценке автора, белорусы в национальном отношении были пока «совсем непросвещенными»: «Хотя они и являются народом, однако далеко еще не нацией, так как их национальное самосознание еще не сформировалось» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 341). Белорусской интеллигенции почти нет, а немногочисленные представители белорусского движения являются людьми по-польски образованными и по-польски говорящими. «Научно-теоретическим способом» они осознали свой особый национальный характер, и это побудило их встать на путь формирования нового национального движения. В «родственном плане», указывает автор, белорусы ближе всего к полякам, «русинам» (украинцам) и русским. Их язык представляет собой смесь языков этих трех народов. В западных областях он звучит больше как польский, а в восточных имеет много русских элементов. Восточные белорусы принадлежат преимущественно к русской православной церкви, в то время как западные являются приверженцами католицизма. Близкое племенное родство с соседями, стоящими в культурном отношении на более высоком уровне, вынуждает белорусов естественным путем примыкать к этим народам и растворяться в них, поскольку собственная культура, которая должна быть опорой для народа, у них совершенно отсутствует. Пребывание в городе, переселение и поиск работы, церковь и школа, военная служба – все это способствует денационализации белорусов (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 343).

Одним из свидетельств тяготения белорусов к соседним культурам автор считал то обстоятельство, что восточные белорусы используют русский алфавит, западные же пользуются латинскими, т.е. польскими буквами. Белорусы-католики едва ли отличаются от поляков (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 343).

О силе польского влияния, полагал автор, свидетельствовали также многочисленные требования белорусов-католиков ввести польский язык в школах (прежде всего в преподавании Закона Божьего), содержание за собственный счет частных учителей, обучавших белорусских детей польскому языку (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 345). По его оценкам, любое посягательство на польский язык равнозначно для белорусов посягательству на их религию (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 343).

Уделяя особое внимание роли польского народа в развитии литовско-белорусских земель, автор отмечал, что поляки составляли здесь высшие слои местного общества и оказывали значительное влияние на культурную, экономическую и финансовую жизнь региона. Все категории польского народа, в том числе «сильное польское крестьянство», были расселены по всей территории исторической Литвы (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 345). В польских руках, несмотря на серьезные ограничения царских властей, сохранялось и крупное землевладение.

Автор обосновывал исключительные права поляков на Вильно. Этот город, по его мнению, находится за границами этнической Литвы. Самых литовцев там небольшое количество, поэтому они вряд ли смогут взять его под свой контроль. Для поляков же Вильно имел особое значение – это второй город-резиденция польских королей, центр многочисленных академий, школ, учреждений польской культуры. Благодаря усилиям князя А. Чарторьского, друга и советника русского царя Александра I, в 1804 г. здесь был основан Виленский университет, оказавший существенное влияние на духовную жизнь региона. Словом, Вильно сыграл выдающуюся роль в польской истории и был «жемчужиной Польши» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 347).

Автор указывал на то, что после отмены в начале XX в. многочисленных дискриминационных ограничений для поляков, проживавших в Литве, город Вильно вновь поднялся до уровня духовного центра всего края. Возродилась польская пресса (3 ежедневные газеты, более 10 еженедельных журналов), возникли научные, художественные и культурные общества, возродился польский театр (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. K. 349).

Все позитивное, что было характерно для Вильно, автор относил и ко всей Литве. Перед войной благодаря энергичной деятельности польских землевладельцев переживало подъем сельское хозяйство. Кооперация в сфере торговли, организованная из Вильно, позволила сформировать целую сеть потребительских обществ по всему региону. И даже русское правительство в лице пре-

мьер-министра П. Столыпина не могло не признать, что поляки проделали здесь большую культурную работу.

Автор полагал, что из всех народностей, населявших историческую Литву, поляки являлись единственным народом, который на протяжении веков тысячами нитей был связан с Западной Европой и существенным образом повлиял на культурный облик этого края. Он делал вывод о том, что благодаря своему прошлому поляки являлись единственным «государствообразующим и государствовосхраняющим элементом Литвы» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 630. К. 349).

О большом значении литовско-белорусских земель для будущего Польши говорилось и в другом документе Главного национального комитета, озаглавленном как «Приложение к отчету № 8». Он был составлен неизвестным автором в виде аналитической записки с пометкой «секретно», вероятно, в 1916 г. В документе, в частности, подчеркивалось, что поляки вместе с тяготеющими к польскости белорусами-католиками составляют на территориях исторической Литвы большинство населения (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. К. 1213). По оценкам автора, в польских руках здесь находилось 190 тыс. кв. км земли, что в 3 раза превышало польские владения в «прусской» Польше и в 2 раза – в Галиции. «Мы доминируем [в Литве] над окружением и культурно, и экономически ... и только мы призваны организовывать государственную жизнь [в этом регионе]», – отмечалось в документе (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. К. 1215).

Автор обращал внимание на то, что с экономической точки зрения Литва является аграрной территорией и поэтому может служить естественным дополнением для промышленных областей Царства Польского. Как регион слабозаселенный, Литва оказывается естественным районом для оттока трудовых ресурсов из перенаселенных областей этнической Польши. «Для нас, не имеющих колоний и ежегодно теряющих сотни тысяч людей за океаном (имеется в виду переезд поляков в Северную Америку. – М.Б.), а со времени разделов [Польши] мы потеряли около 4 млн человек, обладание Литвой как колониальной территорией является вопросом жизни и смерти», – полагал автор (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. К. 1215).

С политической точки зрения объединение с Литвой для будущего польского государства, по его мнению, имело бы еще большее значение. История указывает на то, что, с одной стороны, в своих этнографических границах Польша являлась естественной антагонисткой германизма, в средние века угрожавшего ей гибелью, а с другой стороны, в своих исторических границах – антагонисткой России из-за соперничества за литовско-белорусские земли. Автор полагал, что ожесточенным битвам, которые велись между поляками и немцами на протяжении 500 лет, был положен конец лишь после заключения союза между Польшей и Литвой в XIV в. В результате прежний польско-немецкий антагонизм часто сменялся сотрудничеством в последующие столетия. После объединения Польши и Литвы центр тяжести польской политики был перенесен с запада на восток и направлен против России. По мнению автора, Российская империя никогда не откажется от литовско-белорусских земель, считая их своим исконным наследием. Для Польши же обладание этими территориями является вопросом жизни и смерти (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. К. 1215).

Автор отмечал, что сегодня в стремлении к восстановлению государственности поляки положились на центральные державы в борьбе против России. Единственной и достаточной гарантией участия Польши в сильном антироссийском фронте является объединение Польши и Литвы. Ни Царство Польское, ни его объединение с Галицией не создаст условий для самостоятельного развития Польши. В таких границах поляки будут использоваться другими странами в своих целях. Только объединение с Литвой может обеспечить Польше основу для полной независимости от соседей и условия для устойчивого и успешного развития.

В документе указывалось также на то, что после окончания войны российская угроза не исчезнет и скорее всего лишь возрастет. Поэтому как можно более существенное ослабление России путем отрыва от нее «всех славянских племен», которые до сих пор не были ассимилированы, лежит в интересах Польши и центральных держав. Подчеркивая значимость «польского элемента» для геополитики региона, автор обращал внимание на то, что польское население выгодно размещено на линиях пересечения литовских, латышских и белорусских территорий. Благодаря проникновению в самые отдаленные уголки этого края поляки как скрепы, соединяющие разнородные племена и придающие всей территории цельный характер, призваны к постоянному приобщению этих земель к западной культуре. Только польское государство в силу своих исторических традиций и внутреннего устройства, дающего самое широкое поле для проявления отдельных «племен-

ных индивидуальностей», сможет эти народности организовать и противопоставить России (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. K. 1217).

«Потеря поляками Литвы как естественной территории для их экспансии будет означать не только потерю наших многовековых достижений на этой земле, но прежде всего потерю возможности для развития в будущем в более широком масштабе. ... Первым и принципиальным условием польских государственных интересов должно быть создание для польскости самых благоприятных условий для развития в как можно более широких границах. Концепция польско-литовского государства обеспечит широкое развитие польскости в двух наиболее крупных польских областях: в Царстве Польском и Литве – и в последней создаст для польскости возможности неограниченного роста», – отмечал автор (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 629. K. 1219–1223).

На включении литовско-белорусских земель в состав польского государства настаивал Э. Грабовский, член Лиги польской государственности, одной из наиболее влиятельных политических группировок в Царстве Польском в годы Первой мировой войны. Он утверждал, что г. Вильно и его окрестности являются «полонизированной Белоруссией». По мнению политика, к этнической Белоруссии относится значительный комплекс земель исторической Литвы. Он обращал внимание на то, что чем дальше на восток простираются белорусские земли, тем больше они русифицированы, «тем сильнее столетний русский режим сумел подорвать польскую культуру и русифицировать автохтонное белорусское население». Однако чем ближе эти земли к западу, тем сильнее было сопротивление польских землевладельцев и тем меньше белорусский народ подвергся русификации (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 271).

Однако Э. Грабовский замечал, что национальное самосознание белорусов развито очень слабо. Они представляют собой «скорее этническую массу, которой ... следует ассимилироваться с поляками или русскими». Свой язык они называют «крестьянским» или «здешним», противопоставляя его польскому, «господскому», языку. Впрочем, как отмечал политик, белорусский язык имеет огромное количество разновидностей, которые близки к польскому или русскому. Он является средством общения между простыми крестьянами, которые по мере повышения их культурного уровня могут стать русскими или поляками. «Белорусами они никогда не станут, за исключением ничтожно малого слоя интеллигенции, преклоняющегося перед модой на крестьян, представители которого чувствуют себя в национальном плане белорусами, однако дома пользуются польским языком», – утверждал Э. Грабовский. Он не видел будущего у белорусского национального движения: «Из белорусской этнической массы может произрасти только польская или русская культура. Другое полностью исключено» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 273).

Политик полагал, что, поскольку Россия является угрозой для Европы, нужно противодействовать ее влиянию и экспансионистским устремлениям всеми имеющимися средствами. Важным средством сдерживания России должно стать польское государство. Однако оно является слишком маленьким в рамках своих этнических границ. Поэтому границы Польши должны быть продвинуты как можно дальше на восток, что укрепит страну в качестве «защитного вала Европы» перед русской угрозой (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 275). Объединение Польши и Белоруссии послужит для центральных держав гарантией того, что никогда не возникнет альянса между Польшей и Россией, так как именно белорусские земли веками являлись яблоком раздора между двумя странами.

Э. Грабовский отмечал, что точками опоры поляков в Белоруссии служат города (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 277). Польским является и крупное землевладение в Белоруссии. Крестьянские массы, «закостенелые из-за рутинности, неграмотности и бескультурья», представлены в этих районах, как правило, непольским элементом. Однако экономический прогресс равнозначен для здешних крестьян именно полонизации (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 279).

Э. Грабовский сравнивал положение польского народа в разных частях «исторической Польши». Если, например, г. Тешин (Силезия) является немецким городом, а его сельские окрестности – польскими, то в Восточной Галиции и Литве, напротив, Львов и Вильно – это польские города. Благодаря своим университетам, как теперь Львов и сто лет тому назад Вильно, они стали центрами польской культуры (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 279). Вильно для северо-восточной Польши необходим как передовой центр польской (западной) культуры, незаменимый в качестве духовного очага для исторической Литвы и в первую очередь для Белоруссии.

По мнению Э. Грабовского, если Курляндия и этническая Литва будут присоединены к Гер-

мании, то прилегающие к ним районы, включая Гродно и Вильно, должны войти в состав польского государства (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 281). Политик считал, что немцам нужно несколько шире смотреть на перспективы польско-германского сотрудничества, в том числе против России. Он, в частности, утверждал, что «антирусская предрасположенность» соответствует историческому характеру поляков, их западному религиозному культу, цивилизаторской миссии на восточных землях давней Речи Посполитой (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 287). В этих областях польская колонизационная деятельность, польское влияние наталкиваются на своего давнего врага – Москву. Борьба, которую вела Польша с этим врагом вплоть до восстания 1863 г., оставила в польской истории неизгладимый отпечаток. Традиции борьбы с «восточными варварами» слишком живы в Польше, и слишком значительны польские национальные интересы на востоке. Со временем в польском обществе оформится сильная национальная идеология, которая в опоре на Запад направит фронт борьбы против России.

Провозглашение центральными державами 5 ноября 1916 г. создания самостоятельного Польского королевства на оккупированной территории «русской» Польши вызвало разочарование у многих польских политиков. В манифесте не было даже намека на возможность объединения прусской и австрийской частей Польши с Польским королевством после победы над Россией [Польша в XX веке..., 2012, с. 80]. Решение вопроса о границах польского государства откладывалось на будущее. Комментируя этот манифест, председатель партии «краковских консерваторов» З. Тарновский отмечал, что поляки с самого начала войны верили в то, что будут объединены Галиция, Царство Польское и «Литва с восточными провинциями» в союз с австрийской монархией. Однако этот проект не был реализован (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 627. К. 379).

Тем не менее вопрос о присоединении к Польскому королевству земель исторической Литвы постоянно был в поле зрения польских политиков. После Февральской революции 1917 г. в России о праве Польши на восточные земли бывшей Речи Посполитой заявил и лидер польских национальных демократов (эндеции) Р. Дмовский. В докладной записке министру иностранных дел Великобритании А. Бальфуру в марте 1917 г. он, в частности, отметил, что возрожденное польское государство должно быть достаточно большим и экономически сильным, чтобы выдержать давление Германии. Рассуждая о том, какие земли можно присоединить к Польше на востоке, лидер эндеков утверждал, что северо-западная часть исторической Литвы вместе с городом Вильно, «где поляки более сильны, чем в других частях (Виленская губерния имеет 35 % польского населения и представлена в Думе исключительно поляками), и где масса населения состоит из трех элементов: поляков, литовцев (римо-католиков), а также бело- и малороссов (включенных в русскую церковь лишь в середине XIX в. после упразднения Николаем I греко-католической церкви), включенная в состав польского государства, стала бы быстро развивающимся краем и значительно бы преумножила силу польского государства». «После этой инкорпорации, – писал Р. Дмовский, – Россия оставила бы во владении почти две трети этого бывшего польского края; она сохранила бы [за собой] приблизительно то, что забрала во время первого и второго раздела [Речи Посполитой] (1772 и 1793)» (*Dmowski, Memoriał...*).

В другой своей работе Дмовский высказался о восточных границах Польши следующим образом: «Решение проблемы границ между Россией и Польшей, справедливое и приемлемое для обоих народов, не может быть достигнуто ни в опоре на исторический принцип, выдвигаемый некоторыми поляками, ни путем удовлетворения претензий алчных русских националистов. Значительная часть исторической Польши должна остаться вне границ польского государства, которое, однако, должно охватывать те провинции, где западная (польская) цивилизация запустила глубокие корни, где процент поляков очень значительный или где большинство населения является католическим. Ни одно государство, кроме польского, не было бы способно дать этим провинциям исправного управления и обеспечить прогресс. Если при определении восточной границы Польши эти условия будут выполнены, то польское государство охватит на северном востоке всю языковую литовскую территорию и край на юге от нее, вплоть до восточной границы Галиции, т.е. нынешние губернии: Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, большую часть Минской и Вольни» (*Dmowski, Zagadnienia...*).

Польские политики, поддерживавшие контакты с представителями центральных держав, также беспокоились по поводу восточной границы Польши. «Краковский консерватор» З. Тарновский на встрече с императором Карлом I в марте 1917 г. сообщил ему о пожелании президента

Варшавы З. Любомирского, чтобы будущий польский монарх, кандидатуру которого предложит Австрия, при установлении границ польского государства «подумал и о Литве» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 922). З. Тарновский полностью разделял мнение З. Любомирского по этому вопросу.

«Литовский вопрос» обсуждался на встрече представителей Галиции и Польского королевства в Кракове в сентябре 1917 г. Деятели Межпартийного политического кола из Варшавы А. Завадский, в частности, отметил, что необходимо воспользоваться имеющейся возможностью и присоединить к Польше хотя бы некоторые районы Литвы, а именно Гродненскую губернию и часть Виленской губернии (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 427). Он признавал, что «конфигурация» этих территорий является «очень неблагоприятной», однако таким образом будет спасена наиболее польская часть Литвы, включая Вильно. По словам другого представителя Межпартийного кола, Л. Зелиньского, немцы выражали готовность согласиться с расширением польских границ путем присоединения «Гродно, Ковно и даже Вильно» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 425). Однако за это поляки должны отказаться от планов создать польское государство в союзе с монархией Габсбургов. Полковник В. Сикорский подтвердил, что из разговоров с германским генерал-губернатором в Варшаве Г. фон Безелером и другими высокопоставленными немцами следует, что «они хотят [видеть] Польшу под эгидой Германии и стараются нас убедить в том, что такое решение будет для нас самым выгодным». По свидетельству Сикорского, руководитель отдела прессы и цензуры германской гражданской администрации генерал-губернаторства в Варшаве Г. Кляйнов заявил в беседе с ним, что если поляки согласятся на этот проект, то и Галиция «со временем достанется Польскому королевству как спелый плод с дерева» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 433).

Категорически против такого решения «литовского вопроса» выступил член Лиги польской государственности Л. Абрамович. По его мнению, поляки, которые окажутся вне границ польского государства, созданного таким способом, никогда не согласятся с предлагаемой концепцией (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 427). Если присоединить к Польше лишь Гродно и Вильно, то эти города утратят роль культурных центров, оказывающих воздействие на всю историческую Литву. Уменьшится в целом польское влияние в регионе. Генерал Т. Розвадовский также заметил, что с точки зрения безопасности наиболее желательным для Польши было бы прохождение ее восточной границы по линиям рек Березина (Белоруссия) и Стрыпа (Украина) (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 431).

Результаты обсуждения «литовского вопроса» З. Тарновский сформулировал следующим образом: «Мы не пойдем на немецкое решение. Прежде всего оно сформулировано неконкретно. Неясное обещание о расширении польского государства путем присоединения к нему небольшой части территории Литвы с г. Вильно является недостаточным ... Такое присоединение вызвало бы неприязнь и возмущение [поляков] на тех территориях, которые не были бы присоединены к Польше. Кроме того, польское культурное влияние из Вильно на эти территории было бы ослаблено» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 435–437).

В польских политических кругах считали, что главным препятствием на пути присоединения земель исторической Литвы к Польше выступала Германия. Отмечались многочисленные факты притеснений поляков в Литве. Так, департамент по политическим вопросам при Временном государственном совете Польского королевства сообщал об «острой антипольской политике» немецких властей в регионе (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. К. 1033). Указывалось на распоряжение оккупационного режима «вести борьбу с польским влиянием и противопоставить ему другие национальности, а именно литовцев, белорусов, евреев». Претворением в жизнь этого курса департамент считал издание немецкими властями белорусской газеты «Гоман», занимавшей «невиданно враждебную» позицию в отношении поляков, стремление «раздуть» белорусское национальное движение и «затушевать» все то, что являлось общим наследием для земель давней Речи Посполитой.

В качестве иллюстрации поляки ссылались на публикации в «Гомане», направленные против объединения Польши с исторической Литвой. Так, в апреле 1917 г. в газете была напечатана статья под названием «Руки прочь!». Внимание департамента привлекли следующие фрагменты статьи: «Белорусское общество решительно протестует против любых попыток соседней Польши представить нашу Беларусь как какую-то бездушную вещь, безыдейную, лишенную собственной воли, как предмет “польско-русского спора” ... Наш край, наша родина никогда Польше не принадлежала и ее собственностью не являлась. Она объединилась с Польшей много веков назад в одно общее государство по доброй воле и на равных правах, как свободный со свободным, равный с равным. Ес-

ли теперь весь мир признал право Польши на независимое существование, то это значит, что такое же право имеет и наш край. Союз, который когда-то объединял нас с Польшей, уничтожен, и если бы его не уничтожила сама жизнь, то пробужденные к сознательной жизни народные массы не согласятся с тем, что когда-то совершила наша шляхта, державшая в тяжелой неволе наш народ и не дававшая ему права голоса. И если теперь Польша хочет подчинить нас своим великодержавным интересам, ... то мы четко и ясно заявляем: мы не хотим быть батраками у поляков...» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1027).

К враждебным действиям немецких властей польские авторы относили и создание своего рода «политической границы» между Польским королевством и Литвой с целью полного прекращения любых контактов между этими регионами (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1033). В качестве примера указывалось на отсутствие разрешения на продажу в Литве газет из Польского королевства и Познаньского княжества (Германия). Исключение составлял лишь «Дзенник Польский».

Другим препятствием для нормальной жизни поляков в Литве называлось «ограничение на каждом шагу польского школьного образования» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1027). Обращалось внимание на то, что в Ковенской губернии «народное польское образование систематически искореняется немецкими властями при содействии католических священников-литовцев» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1025). Так, в г. Ковно были закрыты четыре польские народные (четырёхклассные) школы, поскольку было приказано вести обучение по-немецки или по-литовски. Запрещалось частное обучение. Были закрыты все польские народные школы в северной части Ковенской губернии (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1033). В материалах департамента отмечалось, что немецкие власти, инструктируемые священниками-литовцами, заявляли о том, что «польские школы не нужны» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1025). В качестве примера антипольской политики в сфере просвещения приводилась судьба одной польской читальни. Глава уезда, где располагалась читальня, потребовал подвергнуть хранившиеся в ней книги цензуре. Проводивший проверку священник-литовец нашел в них «антилитовскую и антицерковную пропаганду». В результате читальню закрыли, а ее владельцев подвергли штрафу.

Польские авторы отмечали также тенденцию к литвинизации польских детей (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1025). В качестве иллюстрации приводился следующий случай. После того как в дошкольных попечительских учреждениях при литовских католических общинах в г. Вильно было введено трехразовое питание, часть детей из аналогичных польских учреждений (с двухразовым питанием) перешли в литовские. В одном из них польским детям велели снять медальоны с польскими надписями и запретили разговаривать по-польски не только в самом учреждении, но и с родителями. Указывалось также на то, что немцы предоставляли значительную продовольственную помощь именно литовским, а не польским дошкольным учреждениям.

В департаменте обращали внимание на то, что немецкие власти препятствовали польской общественности создать университет в г. Вильно, оказывали особое покровительство как литовским, так и белорусским школам, причем даже в тех районах, где местное население не хотело «учиться по-белорусски» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1033). Власти поддерживали белорусских учителей и белорусские учительские семинарии, запрещали привозить в эти области учебники из Варшавы, не позволяли польской общественности в малых городах публично высказываться по школьному вопросу.

К другим болезненным ограничениям поляки относили отсутствие самоуправления в городах и гминах Литвы. Действовавшие при немецких градоначальниках так называемые «советы» (beiraty) они называли «фикцией самоуправления, пародией на то, что было даже во времена русского правления» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1033–1035). Осуждалось непризнание немецкими властями в ряде территорий польского языка как одного из краевых языков. Указывалось на противодействие любым польским культурным и финансовым организациям.

Негативно воспринимались мероприятия оккупационного режима и в экономической сфере. «Власти забирают в селах всех лошадей и коров, открыто заявляя, что [это проводится с целью] “истощить край в интересах родины (Германии. – М.Б.)” ... Край обескровлен настолько, что уже нет источников для реквизиций. Однако власти забирают остатки имущества жителей», – отмечалось в документах департамента (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1035).

Болезненным для поляков было распоряжение оккупационных властей передать в военное управление имения, оставленные владельцами, а также те из них, где «хозяйство ведется плохо»

(ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1035). Данное распоряжение давало основания для злоупотреблений. От отдельного немецкого офицера зависело, оставить или удались владельца из имения, подводя его под указанное распоряжение.

Владельцам намеренно не позволяли вернуться в имения, надзорные органы выявляли «дефициты на сотни тысяч марок», которые покрывались путем вырубки лесных угодий. Причем лес предназначался не для местного пользования, а на экспорт. Все это вызывало возмущение и тревогу, поскольку лес считался «самым большим богатством Литвы» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 1037).

Накануне мирных переговоров в Брест-Литовске между представителями центральных держав и Советской России в декабре 1917 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин сообщил влиятельному польскому политику А. Тарновскому, что Германия не хочет создания «жизнеспособной Польши». Это означало, что министру удастся получить от немцев максимум объединение Польского королевства с Галицией. «Германия возьмет нас в клещи, так как Литву не отдаст [Польше]», – записал в своем дневнике польский консерватор В.Л. Яворский (*Jaworski, Diariusz...*, s. 237). Из рассказов о настроениях, царивших в Берлине в начале 1918 г., З. Тарновский делал вывод о том, что немцы планировали окружить, «окутать» Польшу с помощью «германизации пояса [территорий] между Польшей, Украиной и Россией» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 628. K. 227).

Тем не менее последующее ослабление и политическая дестабилизация центральных держав давали полякам надежду не только на восстановление независимого государства, но и на решение вопроса о судьбе литовско-белорусских земель в пользу Польши. «На мирной конференции нашему правительству нужно добиваться таких границ для Польши, – отмечал З. Тарновский 7 ноября 1918 г., – которые делали бы ее способной к развитию. В состав Польши должны войти не только земли, где польское население имеет количественное преобладание, но и те, где польский элемент имеет культурное и историческое превосходство» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 527). В конспекте речи перед польскими консерваторами в конце ноября 1918 г. З. Тарновский записал: «Мы ставим вопрос ясно и со всей решительностью: без кресов (восточных территорий бывшей Речи Посполитой. – М.Б.) мы не представляем себе сильного польского государства ... По поводу Литвы мы не можем колебаться: вся историческая Литва должна быть объединена в унию с Польшей. Мы противники ее раздела, потому что это противоречит истории и как нашим интересам, так и интересам Литвы» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 633. K. 557).

Таким образом, в годы Первой мировой войны представители различных польских партий настойчиво добивались включения литовско-белорусских земель в состав возрожденного польского государства. Обосновывая права Польши на эти территории, они указывали на существенный вклад поляков в развитие региона, многовековую цивилизаторскую миссию польского народа, распространявшую западную культуру в землях исторической Литвы. При этом использовались не только историко-культурные аргументы. Рассуждая о границах, польские политики исходили также из необходимости создать благоприятные условия для устойчивого и успешного развития будущей Польши. Они были убеждены, что самостоятельность во внешней политике, экономический прогресс можно обеспечить, только присоединив к Польше восточные земли бывшей Речи Посполитой. Такое государство будет жизнеспособным и сможет располагать достаточными возможностями для сдерживания своих главных соседей – Германии и России. Все это, по мнению польских политиков, отвечало бы интересам Европы в целом. Данные соображения во многом объясняют поведение представителей польской правящей элиты, упорно пытавшихся в течение ряда лет после обретения Польшей независимости добиться осуществления своих планов на восточном направлении.

Список источников

Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK). Zesp. Tarnowskich z Dzikowa (29/639). Jedn. 627, 628, 629, 630, 631, 633. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53#tabJednostki/> (дата обращения: 10.01.2016).

Dmowski R. Memoriał o terytorium państwa polskiego złożony sekretarzowi stanu, Balfourowi w Londynie w końcu marca 1917 roku. URL: <http://narodowcy.net/download/Roman%20Dmowski>

[%20-%20Polityka%20polska,%20odbudowanie%20panstwa%20_aneksy_.pdf/](#) (дата обращения: 10.01.2016).

Dmowski R. Zagadnienia środkowo- i wschodnio-europejskie. Londyn, lipiec 1917 roku. URL: http://narodowcy.net/download/Roman%20Dmowski%20-%20Polityka%20polska,%20odbudowanie%20panstwa%20_aneksy_.pdf/ (дата обращения: 10.01.2016).

Jaworski W.L. Diariusz. 1914–1918. Warszawa, 1997.

Библиографический список

Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. 952 с.

Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867–1935. Warszawa, 1989. 719 s.

Pajewski J. Budowa Drugiej Rzeczypospolitej. 1918–1926. Kraków, 1995. 266 s.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.01.2016

LITHUANIAN-BYELORUSSIAN LANDS IN POLISH POLITICAL PLANS DURING WORLD WAR I

M. A. Bulakhtin

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
bulakhtin@yandex.ru

The Polish political elite's views on the future of Lithuanian-Byelorussian lands are considered in the article. The lands were a part of the Russian Empire and were occupied by Germany during World War I. The representatives of various Polish parties persistently tried to achieve the inclusion of Lithuanian-Byelorussian lands into the territory of the revived Polish state. Proving the rights of Poland for those territories, they pointed to an essential contribution of Poles to the development of the region and to the centuries-old civilizing mission of Polish people extending the Western culture to the lands of historical Lithuania. «Cultural and economic superiority» of Poles in those areas was quite often emphasized. The Poles endured painfully the infringement of their national rights from the occupational authorities during World War I. Proving the need to include Lithuanian-Byelorussian lands in the structure of Poland, they used not only historical and cultural arguments. Arguing on borders, Polish politicians sought to create favorable conditions for sustainable and successful development of future Poland. They were convinced that both independence in foreign policy and economic progress were possible only through the attaching of the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth to Poland. Such a state would have to be viable and able to have enough opportunities for controlling the main neighbors – Germany and Russia. All that, according to Polish politicians, would be equitable to the interests of Europe in general.

Key words: Lithuania, Byelorussia, Polish political elite, eastern borders of Poland.

References

Polsha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii. Moscow, 2012. 952 p.

Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867–1935. Warszawa, 1989. 719 s.

Pajewski J. Budowa Drugiej Rzeczypospolitej. 1918–1926. Kraków, 1995. 266 s.